

Академия Фундаментальных Исследований

ЭТНОЛОГИЯ

Д. Банзаров

ЧЕРНАЯ ВЕРА, ИЛИ

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВ

URSS

*Академия фундаментальных исследований:
этнология*

Д. Банзаров

**ЧЕРНАЯ ВЕРА,
ИЛИ
ШАМАНСТВО
У МОНГОЛОВ**

Под редакцией
Г. Н. Потанина

Издание второе

URSS
МОСКВА

ственная разница моего способа чтенія отъ его: результаты покажутъ, чей способъ правильнѣе. Сообщаю объясненіе затруднявшихъ доселѣ словъ и затѣмъ полный переводъ надписи.

I.

Сартагуль г. Шмидтъ читаетъ Sartaghol и считаетъ это монгольскимъ названіемъ ханства Хара-Китай, «Черный-Китай». Но Хара-китайцы никогда не назывались *Сартагулами* у монголовъ, которые подъ этимъ именемъ разумѣли обитателей Хивы, производя его отъ *Сартъ*: такъ и доселѣ называютъ турецкіе народы коренныхъ, осѣдлыхъ жителей персидскаго происхожденія, составляющихъ промышленное населеніе Хивы и Бухаріи¹⁾.

Монголы прибавили къ *Сартъ* турецкихъ племень слово *гуръ* («народъ, государство»), и вмѣсто *Сартагуръ* говорили *Сартагуль*, потому что они не любятъ двухъ *р*, если они не сопровождаются гласными въ одномъ и томъ-же словѣ, и послѣднее *р* обыкновенно превращаютъ въ *л* (см. Бобровникова, Грамм. Монг.-Калм. языка, стр. 32).

Во время Чингисъ-хана, Хива была столицею огромной имперіи харезмской, заключавшей въ себѣ Бухару, Хиву и часть Персіи; эта-то имперія, состоявшая подъ властью Харезмъ-шаховъ, и называлась у монголовъ *Сартагуль*. Завоеваніе ея, стоившее шестигодичнаго похода (1219 — 1225), составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Чингисъ-хана; напротивъ, покореніе Хара-Китая произошло почти незамѣтно. Кучлукъ-ханъ, владѣтель разсыянаго Чингисъ-ханомъ поколѣнія Найманъ, въ началѣ XIII столѣтія успѣлъ завладѣть престоломъ хара-китайскимъ, устранивъ законнаго хана. Чингисъ-ханъ, собираясь въ походъ на Хиву и желая обезопасить свой тылъ, отрядилъ въ 1218 году Джебѣ-Нояна, извѣстнаго нашествіемъ на Россію въ 1224 году, съ 20 тысячами войска. Кучлукъ-ханъ, услышавъ о приближеніи монголовъ, бѣжалъ на западъ, и

ОБЪЯСНЕНІЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАДПИСИ НА ПАМЯТНИКЪ КНЯЗЯ ИСУНКЕ, ПЛЕ- МЯННИКА ЧИНГИСЪ-ХАНА.

(Записки Импер. Археолог. Общества, т. III, Спб. 1861 г., стр. 268—292.)

Покойный академикъ Шмидтъ, издавая свой переводъ этой надписи въ «Запискахъ Академіи Наукъ», не представилъ ни филологическаго отчета въ переводѣ, ни достаточнаго историческаго объясненія о назначеніи памятника. Онъ только весьма положительно сказалъ, что прочиталъ надпись «очень легко», что «трещина на камнѣ не причинила надписи никакого вреда», и что приложенный къ статьѣ его снимокъ съ надписи «вѣренъ». Повѣрять г. Шмидта тогда никто не рѣшился, тѣмъ болѣе, что послѣ такихъ рѣшительныхъ увѣреній академика повѣрка казалась излишнею.

Въ 1848 году я сдѣлалъ съ надписи возможно вѣрный снимокъ во всю величину и удостовѣрился, по внимательномъ разсмотрѣніи надписи на самомъ камнѣ, что снимокъ г. Шмидта не совсѣмъ вѣренъ, а переводъ его требуетъ исправленій. Объясняя вновь надпись, я не позволялъ себѣ ни малѣйшаго произвола при чтеніи: отъ того нашлись въ ней такія слова, которыя неизвѣстны въ нынѣшнемъ языкѣ монголовъ, но могли быть въ употребленіи въ XIII столѣтіи. Г. Шмидтъ поступалъ въ этомъ случаѣ слишкомъ произвольно и всю надпись «объяснилъ» и «очень легко» современными словами. Въ этомъ-то и состоитъ суще-

1) См. Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Bokhara; Н. Ханыкова, Описаніе Бухарскаго ханства.

оставленное имъ ханство безъ боя покорилось монголамъ; а Джебэ-Ноянъ, преслѣдуя Кучлукъ-хана, настигъ его въ горахъ Бедехшана, предалъ его смерти и въ томъ-же 1218 году возвратился въ Монголію¹⁾. Это легкое завоеваніе, въ которомъ Чингисъ-ханъ самъ вовсе не участвовалъ, Шмидтъ называетъ событіемъ «великимъ и рѣшительнымъ», стараясь придать ему такую важность для того, чтобы тѣмъ объяснить причину сооружения нашего памятника, который, по его мнѣнію, поставленъ Чингисъ-ханомъ въ 1219 или 1220 году.

Г. Шмидтъ впалъ въ эти ошибки во первыхъ потому, что невѣрно читалъ всю надпись; во вторыхъ отъ того, что не исправилъ критически текста изданной имъ лѣтописи Санангъ-Сэцэпа. У этого монгольскаго лѣтописца хронологія почти нигдѣ не сходится съ китайскими и мусульманскими историками, что отчасти надобно приписать искаженію текста и особенному способу монгольскаго лѣтосчисления. Монголы считаютъ года по именамъ 12-ти животныхъ съ прибавленіемъ еще 10-ти условныхъ знаковъ: изъ соединенія тѣхъ и другихъ составляется циклъ въ 60 лѣтъ, по прошествіи которыхъ начинается новый рядъ годовъ или циклъ въ томъ-же порядкѣ. При этомъ способѣ хронологіи легко можетъ случиться (и случается въ рукописяхъ), что вмѣсто одного условнаго знака, ошибкою поставятъ при названіи животнаго другой, и тогда годъ, означаемый словами, будетъ уже иной; по подобная невѣрность можетъ быть исправлена, только бы вмѣсто одного животнаго не было поставлено другое. Такъ у Санангъ-Сэцэпа сказано, что *Сартаулы* покорены Чингисъ-ханомъ въ году и-таулай (зайца), т. е. въ 1195 году; между тѣмъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что нападеніе на Хиву начато въ 1219 году. Если вмѣсто и-таулай поставимъ китаулай, то получится 1219 годъ. Значитъ, у монголовъ начало военныхъ дѣйствій противъ Харезмъ-шаха принято за покореніе его имперіи, и Санангъ-Сэцэпъ не ошибся ни въ имени народа, ни въ хронологіи. По его-же словамъ,

Тукмаки¹⁾ покорены въ году бипъ-лу (краснаго дракона самца), т. е. въ 1196 году,—это также не справедливо; но перемѣнивъ знакъ бинъ въ у, получимъ у-лу (желтаго дракона самца), т. е. 1208 годъ: и дѣйствительно Кучлукъ-ханъ, впоследствии уже овладѣвшій Тукмаками, былъ разбитъ Чингизъ-ханомъ въ 1208 году²⁾. Здѣсь разбитіе хана Наймановъ, который послѣ сдѣлался ханомъ Тукмаковъ, принято Санангъ-Сэцэпомъ за покореніе сего послѣдняго народа. Если бы г. Шмидтъ подобнымъ образомъ исправилъ хронологію своего автора, то могъ бы исправить и свои ошибки при помощи того-же писателя, чрезъ котораго онъ въ нихъ впалъ, и не путался бы въ своихъ примѣчаніяхъ, гдѣ онъ предлагаетъ перемѣнить имена владѣтелей Сартауловъ и Тукмаковъ³⁾.

II.

Шмидтъ читаетъ *эдзэлэджу*, «овладѣвъ», совершенно произвольно. Слоговъ дв и лэ вовсе нѣтъ въ этомъ словѣ, которое должно читать *аулиджу*. Подобнаго слова у монголовъ нѣтъ; но какъ трещина задѣла слово сверху, то надобно думать, что изъ него пропала начальная *т*, и что тутъ было *таулиджу*, «напавши, послѣ на паденія».

Глаголь *таулиху*, который пишется еще *таулиху*, *таулиху* (джагатайское *туульмекъ*, «падать внизъ, соскакивать»), означаетъ всякое стремленіе сверху внизъ косвенно, и потому означаетъ налетъ хищной птицы, прыжокъ дикой лошади, «налетать, скакать, наскákatъ, набѣжать», и въ военномъ смыслѣ нападать.

III.

Шмидтъ читаетъ *эртэну* «древній»; но по палеографическому правилу слѣдуетъ читать *арат-и* или *эртэи*. *Арати* значить «людей», и это чтеніе—самое приличное смыслу надписи.

1) О словѣ *Тукмаки* см. Charney, Expédition de Timour, p. 170, 245 etc.

2) См. о. Гакина, Исторія четырехъ хановъ, стр. 40.

3) Geschichte der Ost-Mongolen, S. 87.

1) D'Ohsson, Histoire des Mongols, t. I, p. 163—176.

Основная линия этого слова вытянута предъ и послѣ р съ цѣлью показать присутствіе гласнаго а предъ р и послѣ него (*ара*).

IV.

Шмидтъ читаетъ *bogha orghai choriksan* (*bogha orghai choriksan*), и изъ нихъ *bogha orghai* переводитъ «ненависть совершенно», не указывая однако, гдѣ онъ нашелъ эти слова, совершенно неизвѣстныя монголамъ.

Въ отвѣтъ на переводъ Ванчикова, онъ увѣряетъ, что у калмыковъ *ора* значитъ «совершенно». Дѣйствительно у калмыковъ есть выраженіе *ороуга* «безъ основанія», «ни съ того, ни съ сего», которое выговаривается почти *ора*, и только при отрицаніи можетъ значить «совершенно». Вѣроятно, Шмидтъ ссылается на это выраженіе, которое однакожъ для смысла нашей надписи не годно.

Хориксанъ г. Шмидтъ переводитъ «положить преграду, конецъ»; но оно значитъ «загородить, запереть, запретить». Первые два значенія его нисколько не клеятся съ Шмидтовскимъ «ненависть совершенно», а послѣднее «запретить» также тутъ не годится, ибо монголъ скажетъ: «ненавидьте! говоря, запретилъ», а русская фраза «ненависть запретилъ» совершенно не въ духѣ монгольскаго языка.

Эти три слова надобно читать *Буга-Сучигай хуриксанъ* (въ *Сучигай*, которое сверху задѣто трещиной, пропало начальное с). Первые два слова суть собственное имя мѣста, а *хуриксанъ* значитъ «собрались» и есть причастіе прошедшаго времени отъ неупотребительнаго нынѣ, но извѣстнаго по производнымъ, глагола *хуримой*, «собираться» (джагатайское *курамакъ*).

Отъ этого слова происходятъ *хуримъ* «пиръ», «собраніе», — *хуригтай*, «сеймъ», — *хуриямой*, «собираю».

Д'Оссонъ въ своей «Исторіи монголовъ» сообщаетъ¹⁾, что Чингисъ-ханъ, послѣ раззоренія харезмской имперіи, пустился въ обратный путь въ Монголію, причемъ лѣто и зиму 1224 года

провелъ въ походѣ, направляясь къ Иртышу, и на мѣстѣ, называемомъ *Bouca Soutchicou* (Буга-Сучику; *Буга-Сучигай* нашей надписи), сдѣлалъ «пиръ» для своего войска, а въ февралѣ 1225 года достигъ своей орды. Наша надпись выражается точнѣ Д'Оссона, говоря, что тутъ происходилъ сеймъ монголовъ, «хуригтай», который всегда сопровождался пиршествами.

Слова *Чингисъ-хани* и *арат-и* поставлены въ винительномъ падежѣ, какъ подлежащія причастія *хуриксанъ* («собравшіяся»), на основаніи существующаго въ монгольскомъ языкѣ правила, похожаго на латинскій винительный съ неопредѣленнымъ (см. Бобровникова, Грамм. Монгольско-калымцк. яз., § 477). *Буга-Сучигай* поставлено безъ знака мѣстнаго падежа потому, что оно стоитъ непосредственно предъ глаголомъ *хуриксанъ* и связь между ними очевидна.

Персидскій историкъ Мирхондъ пишетъ, что Чингисъ-ханъ, возвращаясь изъ похода противъ харезмцевъ, сдѣлалъ хуригтай на мѣстѣ Куланъ-Язы¹⁾. Эти турецкія слова значатъ «равнина кулановъ» (дикихъ ословъ), а напы Буга-Сучигай или Сучику по монгольски значатъ «олень—бояться», т. е. мѣсто, гдѣ олени пугаются. Нѣкоторое сходство въ значеніи именъ этихъ мѣстъ позволяетъ считать ихъ за одно и то же урочище, носившее

1) Вотъ это мѣсто изъ Мирхонда, сообщенное мнѣ въ переводѣ профессоромъ И. Н. Березинимъ: «Когда зима подошла къ концу и отъ пышности прибытія весны поля и степь стали предметомъ зависти кремскаго цвѣтника, Чингисъ-ханъ отправился съ арміею изъ Самарканда и отдалъ приказъ, чтобы мать султана Мухаммеда и харемъ его шли впереди войска и громкимъ голосомъ причитали и оплакивали султана, королю, тронъ, эмировъ и визирей... На берегу рѣки Сейхуна, Джагатай и Угедей соединились съ Ордой, по міру страствующей; когда же переправились черезъ Сейхунъ, то пришли въ Куланъ-Язы Джучи отъѣхавъ со стороны Дешти-Кыпчака, а съ той стороны повелъ облаву Чингисъ-ханъ съ дѣтми и ноянами. Черезъ нѣсколько времени произшло соединеніе охотничьихъ рядовъ на мѣстѣ охоты (15, 1) и кругъ ихъ сошелся. Чингисъ-ханъ сѣлъ на коня, устремился въ середину и пустилъ многочисленную охоту. Послѣ того какъ принцы, эмиры и нояны кончили охоту, помиловали остальныхъ звѣрей и, наложивъ на нихъ свои клейма, освободили. Джучи, пришедши къ отцу, преклонивъ колѣна и исполнивъ обрядъ цѣлованія руки; обнявши братьевъ, горячо распрощивалъ о здоровьи и представилъ хану многочисленные подарки, между прочимъ подвелъ сто тысячъ лошадей, изъ среды которыхъ было двадцать тысячъ сѣрыхъ одномастныхъ. Это лѣто все провели въ томъ мѣстѣ. Когда же собрались окрестные эмиры изъ предѣловъ и окрестностей, то устроили большой сеймъ и казнили отъѣленіе изъ уйгурскихъ эмировъ». (Vie de Djenghiz-khan, par Mirkhond, 169—169).

1) Histoire des Mongols, 1834, tome I, p. 325.

двойное названіе у двухъ народовъ; тѣмъ болѣе, что и хурилтай, о которомъ говоритъ Мирхондъ, долженъ быть тотъ самый, который упоминается въ нашей надписи и у Д'Оссона. Объ урочищѣ Буга-Сучигаи ничего не извѣстно по исторіи, а Куланъ-Язы извѣстно по сраженію въ 1199 году между Найманами и Онгъ-ханомъ керейтскимъ ¹⁾. Это сраженіе должно было произойти въ земляхъ Наймановъ, на которыя Онгъ-ханъ сдѣлалъ набѣгъ; слѣдовательно, урочище Куланъ-Язы или Буга-Сучигаи должно находиться около Алтая и Верхняго Иртыша, гдѣ кочевали Найманы. Это будетъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ Чингисъ-ханъ, идя на харезмскую имперію и возвращаясь изъ этого похода. Здѣсь дѣйствительно водятся куланы и олени.

V.

Исункэ. Это слово помѣщено надъ строкою, какъ названіе священнаго предмета или владѣтельнаго лица; но Шмидтъ, которому впрочемъ извѣстно было это монгольское правило, находить тутъ *ирункэ*, «вообще», которое не можетъ занимать такого почтеннаго мѣста въ надписи. Здѣсь очень явственно видѣется *Исункэ*, собственное имя одного изъ племянниковъ Чингисъ-хана; онъ-то и есть главное лицо въ нашей надписи, и потому мы поговоримъ о немъ ниже подробнѣе.

VI.

Шмидтъ предполагалъ читать *Ononodugun*, *Chondodugun* и *ChondojoGUN*. По моему, это слово можно читать *Онндодоръ*, *Онндодоръ*, *Онхоторъ* и *Хонгодоръ* или *Хондодоръ*. Смыслъ всей надписи таковъ, что это слово должно быть не что иное, какъ собственное имя небольшого монгольскаго поколѣнія, которое составляло удѣлъ князя Исункэ. Между монголами донинѣ существуетъ поколѣніе Хонгодоръ, а именно всѣ почти буряты Аларскаго вѣдомства (въ Иркутскомъ округѣ) принадлежатъ къ племени Хонгодоръ, и такъ-какъ они не настоящіе буряты, а

¹⁾ О. Іакиневъ, Исторія четырехъ хановъ, стр. 18, 384. Китайскими иероглифами это имя выражено *жуланъ джэнь-че*; но о. Іакиневъ, слѣдуя негѣлому толкованію китаецевъ, передѣлалъ эти иероглифы въ *горонъ-джаса*.

монголы, переселившіеся въ Сибирь въ XVII столѣтіи, то очень можно допустить, что эти именно Хонгодоры и упомянуты въ надписи, и, кочевавъ нѣкогда на Аргуни, могли достаться въ удѣлъ Исункэ. Во время смутъ чингисидовъ, они могли часто мѣнять мѣста своего кочеванія и доставаться новымъ владѣтелямъ. Это небольшое поколѣніе не упоминается въ исторіи, вѣроятно, по своей незначительности.

Въ этомъ словѣ, всѣхъ болѣе пострадавшемъ отъ времени, *x* \Rightarrow превратилось въ *m* ρ .

VII.

Два послѣднія слова въ надписи не могутъ быть объяснены нынѣшнимъ монгольскимъ языкомъ, хотя Шмидтъ, къ ущербу своего перевода, и сдѣлалъ это, какъ будто въ древнемъ памятникѣ не могутъ встрѣтиться слова, нынѣ забытыя. Поэтому я объясняю ихъ словами неизвѣстными нынѣ, но возможными въ монгольскомъ языкѣ, при помощи филологическаго анализа, которому монгольскій языкъ и сродные съ нимъ манджурскій и турецкій въ высшей степени доступны. Въ нихъ, за неимѣніемъ предлоговъ, слова образуются и измѣняются посредствомъ прибавленія разныхъ частицъ къ концу корня. Такимъ образомъ въ каждомъ словѣ первый слогъ необходимо долженъ быть корень и притомъ всегда односложный. Если слово многосложно, то непосредственно за корнемъ слѣдуютъ одинъ или два слога, которые составляютъ лексикографическое значеніе производнаго слова; затѣмъ слѣдуютъ наращенія грамматическія, опредѣляющія грамматическое значеніе слова. Слѣдовательно, въ этихъ языкахъ корней можетъ быть не больше того, какое число слоговъ, съ помощію всевозможныхъ комбинацій всѣхъ гласныхъ и согласныхъ, можетъ быть получено. При такомъ образованіи языковъ средней Азіи, не подающемъ большой надежды на богатство въ словахъ, надежда эта еще уменьшится, когда скажемъ, что характеристическое значеніе односложнаго корня никогда не теряется въ производныхъ. Въ значеніи этомъ всегда выражается что-либо доступное органамъ чувствъ или содержится въ звукѣ, издаваемомъ человѣкомъ при дѣйствіи

чего-либо на чувства его, т. е. известное движение или положение предмета (органъ зрѣнія), или звукоподражаніе (органы слуха, обонянія, осязанія и пр.). Эти чисто матеріальныя представленія въ производныхъ словахъ легко переходятъ, посредствомъ сравненія, въ понятія чисто умственыя, и отъ одного корня происходятъ слова, которыхъ значенія, по-видимому, не имѣютъ между собою ничего общаго.

Вотъ, напримѣръ, производныя отъ корня *бул*, который означаетъ движеніе вверхъ; *бул-ги*, «прыгать», *бул-тай*, «высунуться», *бул-акъ*, «ключь» (бьющій вверхъ изъ земли), *бул-чинъ*, «икра у ноги», *бул-дакъ*, «холмъ», *бул-га*, «возстаніе», «бунтъ».

Но при всемъ томъ, всякій, кому известны значенія корня и параченій, сообразивъ эти части слова, можетъ всегда опредѣлить приблизительно значеніе даннаго слова. Такъ мы и поступимъ съ словами, которыя намъ нужно объяснить.

Последнее слово въ третьей строкѣ надписи, по мнѣнію Шмидта, есть *эліе* (Elije) «демонъ», — чтеніе совершенно произвольное. На прилагаемомъ снимкѣ читается *алдакъ* или *алтакъ*. Я принялъ последнее въ значеніи «воинъ», «солдатъ», отъ слова *алъ*, «рота, эскадронъ».

Въ этомъ словѣ *л* написано почти слитно съ *т* для показанія, что между ними нѣтъ никакой гласной. — Слово *алъ* въ значеніи баталіона встрѣчается въ тарханномъ ярлыкѣ Сеадеть-Гирея¹⁾; тамъ сказано: *алымъ*, *кушунымъ*, *минимъ*, *туманымъ*, *тибъ* и пр., т. е. «не требовать (поборовъ)», говоря: «мой эскадронъ, мой полкъ, моя тысяча, мой туманъ (десятитысячье)».

Извѣстно, что у монголовъ войска дѣлились на десятки, сотни, тысячи и десятки тысячъ; но независимо отъ этого были хошунны, эскадроны или нѣсколько болѣе²⁾. При нынѣшнемъ устройствѣ монголовъ, хошунами называются небольшіе удѣлы, обра-

зующіе въ военномъ отношеніи дивизіи, раздѣленныя на полки (джаланъ) и роты (сомонъ). Это устройство введено манджурами, до которыхъ у монголовъ существовало устройство Чингисъ-хана. Въ вышеприведенномъ текстѣ ярлика эти воинскія дѣленія перечислены по степенямъ отъ меньшаго къ большому, и потому надобно думать, что *алъ* былъ меньше *хошуна* (въ ту редкомъ языкѣ осталось *алай*, «баталіонъ»), родъ нынѣшнихъ джалановъ или сомоновъ. Дѣленіе на сотни и тысячи было чисто воинское, тогда какъ дѣленіе на *алы* и *хошуны* имѣло источникомъ родовое право, т. е. дѣлежъ наследственнаго владѣнія или поколѣнія между наследниками. И такъ, *алъ* можно перевести «отрядъ, участокъ»; слѣдовательно *ал-такъ* (сличи *ур-такъ*, «товарищъ») значить «тотъ, который принадлежитъ *алу*», рядовой, воинъ известнаго отряда. Корень *алъ*, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ понятіе, выражаемое русскимъ предлогомъ раз, т. е. распространеніе, раздвиганіе, раздѣленіе, расширение, разсѣяніе, какъ видно изъ произведенныхъ отъ него словъ: *алжумой*, «шагать», т. е. раздвигать ноги, — *алжимой*, «драться», т. е. размахивать рукой, бить какъ попало, — *алджялмой*, «утомиться», т. е. разстроиться, быть разбиту, — *алаймой*, «раздвинуть ноги», — *алуъ*, «черезъ», — *алда*, «сажень», длина вытянутыхъ рукъ, — *алманъ*, «широкій», — *аламай*, «полоумный», разстроенный въ умѣ, — *аланъ*, «пѣгій», т. е. гдѣ цвѣта разсѣяны, — *амя*, «шадунъ», разсѣянный, — *албинъ*, «бродячій духъ» (блудящій огонь), — *алдаръ*, «слава», т. е. что распространяется, и т. п.

VIII.

Последнее слово надписи Шмидтъ читаетъ *шиндарума*, «изгнаніе». Не говоря уже о томъ, что *шиндарума* никогда не имѣло такого значенія, и самаго этого слова вовсе нѣтъ въ надписи. Въ началѣ послѣдняго слова, много пострадавшаго отъ времени, можно разобрать *онд* или *унд*; далѣе слѣдуетъ нѣсколько неясныхъ черточекъ и, наконецъ, ясно: *лага*. По монгольской конструкціи словъ, тутъ долженъ быть глаголь, а не существительное *шиндарума*, которымъ никогда въ монгольскомъ языкѣ не оканчиваются періоды. Безъ большой натяжки можно полагать,

1) См. Ярлыкъ Тохтамышя и Сеадеть-Гирея, стр. 4.

2) Chartrou, Extrait de Timour, pp. 208, 253, 391; Journ. Asiat. 1836, part. p. 224.

что тутъ написано *ондулага*, «получилъ въ удѣлѣ», что будетъ всего сообразнѣе со смысломъ всей надписи.

Корень *он*, судя по производнымъ, содержитъ въ себѣ понятіе противоположности, особенности, отдѣльности, дѣленія. Отъ него происходятъ—маньчжурскія: *онъ*, «разстояніе», напр. отъ одной станціи до другой, — *ондомби*, «дѣлать что-либо противное тому, что слѣдуетъ дѣлать, разладить, разстроить» (турецкое *онмакъ*, «расколоть»), — *ончо*, «широкій, пространный», такъ сказать «раздвинутый». Монгольскія: *они*, «ушко у стрѣлы», «ущелье» (какъ нѣчто раздѣленное), — *ондо*, «другой, особый», — *оню*, «единственный, одинокій, особый», — *онхойнъ*, «угрюмый», тотъ, который не участвуетъ въ бесѣдѣ, но сидитъ въ сторонѣ особо. Отъ корня *он* правильно можетъ быть произведенъ глаголь *ондомой*, который долженъ содержать въ себѣ понятіе объ отдѣленіи, особенности; а если къ этому глаголу прибавить наращеніе причинной формы (*causalis*), то выйдетъ *ондуламой*, который употребляется вмѣсто страдательнаго глагола. Такимъ образомъ *ондулага* (*га* есть знакъ прошедшаго времени) будетъ значить что-нибудь въ родѣ: «былъ отдѣленъ», тѣмъ болѣе, что здѣсь говорится о дѣлѣжѣ наслѣдства. Для ясности я перевелъ прямо «получилъ въ удѣлѣ». Дѣйствительное существованіе глагола *ондомой* доказывается тѣмъ, что и нынѣ есть въ монгольскомъ глаголь *ондоймой*, «высунуться, торчать, рѣзко отдѣляться отъ окружающихъ предметовъ». Эта форма правильно произведена отъ *ондомой* чрезъ прибавленіе *й* для означенія наружнаго положенія предмета, какъ *бултаймой*, «торчать, высунуться», отъ *бултаймой* «скакать, бѣжать»; — *хадзаймой*, «кривиться», отъ *хадзаймой*, «кривой» и т. д. Есть еще *ондоуликъ*, «остроконечный, конусообразный, выдающійся, отдѣляющійся».

И такъ надпись, по нашему толкованію, надобно читать слѣдующимъ образомъ:

- 1) Чингисъ-ханы
- 2) Сартагуль ирэнъ таумиджу багуджу хамукъ монголз улусунъ
- 3) арат-и Буга-Сучигаи хуриксанъ-дуръ,
- 4) Исункѣ Хонгдор-унъ нурбанъ дзайунъ нуринъ табунъ алтанъ
- 5) туръ ондулага.

Это значить:

„Когда Чингисъ-ханъ, послѣ нашествія на городъ Сартагуль (хивинцевъ), возвратился, и люди всѣхъ монгольскихъ поколѣній собрались въ Буга-Сучигаѣ, то Исункѣ получилъ въ удѣлѣ триста тридцать пять воиновъ хонгдорскихъ“.

Смыслъ надписи выходитъ очень простой: Исункѣ, племянникъ Чингисъ-хана, получилъ отъ дяди въ наслѣдственное владѣніе небольшой отрядъ, и для увѣковѣченія этой милости и своихъ правъ поставилъ памятникъ, сохранившійся до нашихъ временъ. Исторія вполне подтверждаетъ то, что говоритъ, по нашему чтенію, надпись. Чингисъ-ханъ ранѣе 1224 года не могъ

заняться раздачею удѣловъ своимъ сыновьямъ и родственникамъ, ибо все время до 1210 онъ провелъ въ борьбѣ съ кочевыми народами Монголіи, съ 1210 по 1218 годъ въ войнахъ съ Китаемъ, и, наконецъ, съ 1219 по 1224 г. въ походѣ на западъ. Дѣйствительно, Гаммеръ въ своей «Исторіи Золотой Орды» пишетъ ¹⁾, что Чингисъ-ханъ, по возвращеніи изъ похода на Персію (послѣ нашествія на Сартагуловъ, по нашей надписи), роздалъ удѣлы своимъ дѣтямъ. При этомъ дѣлежѣ, Исункѣ нашей надписи долженъ былъ получить что нибудь по близкому родству съ Чингисъ-ханомъ, ибо онъ былъ сынъ Джучи-Хасара, роднаго брата завоевателя, и слѣдовательно приходился ему племянникъ. По словамъ Рашидъ-Эддина, знаменитаго автора Исторіи Монголовъ на персидскомъ языкѣ, Джучи-Хасаръ имѣлъ до сорока сыновей, изъ которыхъ сдѣлались извѣстными только трое: «Бигу (читай Ъгу), Тугу и Исунку» (Исункѣ нашей надписи) ²⁾. Слова Рашидъ-Эддина «сдѣлались извѣстными» надобно понимать такъ, что изъ множества сыновей Джучи-Хасара только эти трое, какъ рожденные отъ старшей изъ женъ его, получили права принцевъ, т. е. право на удѣлъ, участіе въ хурилтаѣ или въ государственномъ сеймѣ и въ избраніи великаго хана. И точно, Ъгу, Тугу и Исункѣ участвовали въ 1251 году въ возведеніи на престолъ Мѡнкэ-хана ³⁾. «Исункѣ былъ», продолжаетъ персидскій историкъ, «высокаго роста, имѣлъ длинную бороду... славился прекрасными познаніями въ государственныхъ дѣлахъ и по сей причинѣ приобрѣлъ всеобщее уваженіе... При пожалованіи войсками своихъ сыновей, Чингисъ-ханъ далъ также по полку каждому изъ сыновей Джучи-Хасара, которые уже выросли, т. е. Ъгу, Тугу и Исунку, а изъ смѣшанныхъ войскъ далъ каждому по сту человекъ». Эти полки Рашидъ-Эддина суть, по всей вѣроятности, именно то, что монголы называли *алъ*, и отъ того въ нашей надписи люди, составлявшіе «полкъ» Исункѣ, названы *алтакъ*. Три «полка» (или *ала*) сыновей Джучи-

1) Gesch. der Goldenen Horde, 89—90.

2) Эрдмана, Предки Чингисъ-хана, въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. 1842 г., т. XXXVIII, отд. I, стр. 104.

3) Иакина, Исторія четырехъ хановъ, стр. 306; только въ этой исторіи изъ Ъгу и Тугу сдѣлано одно лицо Екэ-тоганъ («большой котелъ»).

Хасара составляли, по арміи великаго ханства, одинъ «баталіонъ» въ тысячу человекъ, какъ говоритъ Рашидъ-Эддинъ въ другомъ отдѣлѣ своей исторіи ¹⁾. Этотъ баталіонъ, или по монгольскому дѣленію просто *минанъ*, «тысяча», взятый въ значеніи удѣла князей одного семейства, составлялъ, вѣроятно, одинъ *хошунъ*. Если раздѣлимъ тысячу на три между тремя братьями, то на долю Исунка достанется почти то самое количество людей, какое показано въ надписи, т. е. триста тридцать три. «Юртъ и мѣстопребываніе Исункѣ и семейства Джучи-Хасара», продолжаетъ Рашидъ-Эддинъ, — «были въ Могулистанѣ (Монголіи) на сѣверо-восточной сторонѣ, на границахъ Эргунэ (Аргунь), Кулѣ-науръ (озеро Кулунъ или Далай-норъ) и Хайларъ (рѣка, впадающая въ это озеро съ восточной стороны)». Близъ береговъ Аргуни, именно на рѣчкѣ Къркыръ, и найденъ нашъ памятникъ, поставленный княземъ Исункѣ около своего дворца, котораго развалины находятся на той-же рѣчкѣ Къркыръ, немного пониже отъ мѣста, гдѣ стоялъ памятникъ ²⁾.

Наше чтеніе такъ оправдывается исторіею, что дальнѣйшія возраженія противъ толкованія г. Шмидта дѣлаются ненужными. Въ историческомъ отношеніи, наша надпись замѣчательна, какъ древнѣйшій образчикъ монгольской письменности, и какъ выраженіе того памятнаго въ исторіи Азіи и Европы момента, когда Чингисъ-ханъ, на хурилтаѣ, раздавалъ царства своимъ потомкамъ, и тѣмъ надолго рѣшилъ судьбы многихъ народовъ, въ томъ числѣ и Россіи; извѣстно, что Чингисъ-ханъ назначилъ въ удѣлъ своему сыну Джучи-хану Кипчакъ, еще не покоренный, но покореніе котораго рѣшено было походомъ въ 1224 году Джебѣ и Субутая черезъ Кавказъ, предпринятымъ въ видѣ огромной рекогносцировки съ цѣлью убѣдиться въ возможности завоеванія прикаспійскихъ странъ и сосѣдственной къ нимъ Россіи. Время сооруженія памятника надобно отнести къ тому времени, когда

1) Эрдмана, Къ Исторіи Чингисъ-хана, въ Журн. Минист. Народ. Просв. 1844 г., т. XLIV, отд. I, стр. 85. Переводчикъ Рашидъ-Эддина, г. Эрдманъ, передалъ термины подлинника выѣшными русскими словами; но любопытно бы знать, какіе эти термины, которые онъ перевелъ «полкъ» и «баталіонъ». Можетъ быть Рашидъ-Эддинъ употребляетъ настоящія монгольскія слова.

2) Рисунокъ ихъ былъ изданъ г. Спасскимъ, см. предисловіе къ этой статьѣ.

Исунке построил себѣ дворецъ на рѣчкѣ Кыркырѣ, приблизительно между 1224—1300 годами, предполагая, что Исунке могъ поставить его не задолго до своей кончины.

Къ статьѣ Д. Банзарова П. Савельевъ присоединилъ предисловіе отъ своего имени; оно знакомитъ съ положеніемъ вопроса о надписи до Банзарова и уясняетъ научное значеніе работы послѣдняго, поэтому помѣщеніе его здѣсь мы сочли не бесполезнымъ.

Ред.

Надпись, которой представляется здѣсь, въ первый разъ, полный переводъ, доселѣ была извѣстна подъ именемъ Чингисъ-хановой, по имени этого хана, которое начертано въ ней въ красной строкѣ и со времени находенія памятника читаемо было безъ затрудненія даже сибирскими толмачами. Для науки надпись эта еще болѣе важна, какъ древнѣйшій доселѣ извѣстный памятникъ письменности монголовъ. Хранящіеся въ Парижѣ ярлыки хановъ Аргуна и Оджайту въ королю французскому Филиппу IV нѣсколькими десятилѣтіями новѣе, и только немногія монгольскія слова, начертанныя на монетахъ Гулагу, могутъ быть современны нашему памятнику. Г. Банзарову принадлежитъ честь объясненія этого древнѣйшаго памятника славнѣйшей эпохи его предковъ, половины XIII вѣка. Еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ, въ 1848 году, г. Банзаровъ пытался прочесть надпись wholly, но нѣсколько нечеткихъ словъ его оставались. Снявъ съ подлинной плиты снимокъ съвозъ прозрачную бумагу, онъ продолжалъ изучать эту надпись въ Сибири, куда отправленъ былъ по дѣламъ службы, и, наконецъ, въ Иркутскѣ, въ августѣ 1850 года, добился полного и отчетливаго уразумѣнія всѣхъ дотолѣ таинственныхъ словъ надписи. Исслѣдованія его представляются здѣсь читателямъ. Но какъ ученый монголистъ нашъ, пиша въ Иркутскѣ, не имѣлъ подъ рукою книгъ, нужныхъ для изложенія исторій находенія этого памятника и прежнихъ попытокъ объяснить надпись, и не сообщилъ о томъ извѣстій, то мы сочли за нужное, для полноты статьи, предположить краткое историческое обзорѣніе вопроса объ этомъ памятникѣ. Первые, довольно обстоятельныя, извѣстія объ этомъ памятникѣ сообщили г. Спасскій въ 1818 году ¹⁾. «На сѣверѣ (отъ рѣчки Урулюнгу, впадающей въ Аргунь съ лѣвой стороны)—писалъ г. Спасскій—идутъ гранитныя, лѣсистыя горы, а на полдень, въ предѣлы Китая, обширная и пріятная степь. Отъ сихъ горъ къ рѣкѣ текутъ многіе ручьи, которые однакожъ, не дойдя оной, скрываются въ каменные розсыпи. На двухъ изъ этихъ ручьевъ, Кыркырѣ и Малой Кондуй, открыты слѣды прежде бывшихъ нѣкоторыхъ зданій. Въ первомъ мѣстѣ (т. е. при Кыркырѣ) остаются оныя донныя безъ всякаго исслѣдованія; но сколько по достав-

1) Сибирскій Вѣстникъ, 1818, ч. IV, отд. II, стр. 116—124.

ленному мѣстѣ плану ¹⁾ заключить можно, оныя существовали разстояніемъ одно отъ другаго на 90 сажень. Нѣкоторые изъ валовъ или насыпей имѣютъ странное и многообразное направленіе; но есть и такіе, которые имѣютъ видъ четверугольника, составляющаго какъ будто бы основаніе ограды. Въ пяти верстахъ отъ сихъ достопамятностей, вверхъ по ручью, находится нѣсколько древнихъ кургановъ, заслуживающихъ вниманіе тѣмъ, что, по увѣренію нѣкоторыхъ, близъ оныхъ стоялъ большой гранитный камень съ прекрасно высѣченною на немъ восточными буквами надписью; но большая часть утверждаетъ, что сей камень принадлежитъ къ числу памятниковъ, найденныхъ при разритіи древнихъ развалинъ на Кондуй... Далѣе говоритъ г. Спасскій, что камень этотъ перевезенъ былъ въ Нерчинскій заводъ и хранился тамъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими древностями. Изъ извѣстія г. Шмидта узнаемъ, что, по ходатайству г. Спасскаго, приказано было въ 1829 году перевезти этотъ памятникъ въ С.-Петербургъ ²⁾. Г. Шмидтъ, описывая кондуйскія развалины, куда относили памятникъ, не упомянулъ однакожъ о Кыркырскихъ, гдѣ, по увѣренію многихъ и свидѣтельству г. Спасскаго, стоялъ первоначально этотъ камень. Въ 1832 году онъ привезенъ былъ въ Петербургъ и хранился въ министерствѣ финансовъ; въ 1839 г. выставленъ былъ, для публики, въ залѣ выставки произведеній промышленности, а послѣ закрытія выставки переданъ въ Академію Наукъ, которая распорядилась поставить этотъ историческій памятникъ на лѣстницѣ передъ дверьми своего Азіятскаго Музея. Здѣсь онъ находится и теперь. Памятникъ этотъ состоитъ изъ гранитной плиты, имѣющей 2 аршина 18 вершковъ длины, 14³/₄ вершковъ ширины и 5 вершковъ толщины. Камень треснулъ почти въ самой серединѣ, вѣроятно, во время перевозки въ Нерчинскій заводъ. Эта трещина, какъ видимъ изъ статьи Банзарова, не мало затрудняетъ чтеніе, воснувшись буквъ надписи. Первые попытки въ чтеніи надписи сдѣланы были сибирскими толмачами и ламами, еще во время находенія тамъ памятника. Они безъ труда разобрали нѣкоторыя слова, которыя не представляли затрудненія, именно:

Чингисъ-ханъ... послѣдую временамъ... всѣ монгольскіе народы ³⁾.

Г. Ванчиковъ, учитель монгольскаго языка въ Кяхтѣ, разобралъ еще нѣсколько словъ; но, къ сожалѣнію, непонятны арханамы онъ перевелъ гадательно. Надпись переведена имъ wholly такъ:

1) Этотъ планъ составляетъ XIX-й листъ рисунковъ, приложенныхъ къ Сибирскому Вѣстнику.

2) Mémoires de l'Acad. Impér. des sciences de St. Pétersb. (1839), VI série, t. II, 1. — J. Schmidt's Bericht über eine Inschrift aus der Ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft, S. 249.

3) Сиб. Вѣст., loc. cit., стр. 123.

Когда Чингись-ханъ соизволилъ овладѣть сартольскимъ народомъ и присоединить къ древнему становавищу всего монгольскаго народа, находящіяся вообще по Онону побѣждены тремя стами тридцатью пятью посланными ¹⁾).

Г. Шмидтъ, когда памятникъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ, составилъ новый переводъ надписи и помѣстилъ его въ Запискахъ Академіи Наукъ. Вотъ его переводъ:

Отъ Чингись-хана, когда онъ, покоривъ сартагольскій народъ, воротился и положилъ конецъ враждѣ отъ прежнихъ временъ всѣхъ монгольскихъ народовъ всѣмъ тремъ стамамъ тридцати пяти Елѣ (демонамъ)... въ знакъ изгнанія ²⁾).

Наконецъ г. Банзаровъ представляетъ свой переводъ съ объясненіемъ всѣхъ словъ, затруднявшихъ прежнихъ переводчиковъ.

Сравнивъ съ этимъ переводомъ два прежніе, кяхтинскаго учителя и петербургскаго академика, читатель увидитъ, что оба они равно далеки отъ истины, а въ отношеніи здраваго смысла кяхтинскій переводъ беретъ верхъ надъ петербургскимъ, который заставляетъ могучаго Чингись-хана ставить монументъ въ честь 335 демоновъ!! Мы бы не упомянули объ этомъ обстоятельстве, если бы самъ Шмидтъ не назвалъ перевода Ванчикова «безсмысленнымъ» и «вздорною болтовнею сумасшедшаго», а свой — «имѣющимъ логическій смыслъ» ³⁾. Это сравненіе обоихъ переводовъ напоминаетъ полемику, которую желательно бы забыть для чести ученой литературы: увидѣвъ переводъ г. Ванчикова, бывший сарептскій толмачъ, почитавшій себя тогда монополистомъ «по монгольской части», вооружился противъ почтеннаго о. Іакинава, которому произвольно приписалъ переводъ, и наговорилъ ему печально незаслуженныя неприятели. О. Іакинъ отвѣчалъ съ достоинствомъ и скромностью ученаго, и председатель комитета объ устройствѣ выставки печатно подтвердилъ свидетельство знаменитаго нашего сиолога о непричастіи его къ новому переводу надписи ⁴⁾.

1) Этотъ переводъ былъ помѣщенъ при памятникѣ, на выставкѣ 1839 г.

2) *Mém. de l'Acad., loc. cit., стр. 252.* По нѣмецки выражено такъ: «Von Tschinggis-Chan, als er nach Unterwerfung des Sartagolschen Volkes zuruckgekehrt war und aller mongolischen Volkstämme von früheren Zeiten her herrschenden Groll ein vollständiges Ende gemacht hatte, den sämtlichen drei hundert fünf und dreißig Elje (Dämonen) des... als Bannung».

3) Я. Шмидтъ: О новомъ переводѣ монг. надписи на извѣстномъ памятникѣ Чингись-хана, С.-Петерб. Вѣд. 1839 г., № 224.

4) Всѣ три статьи г. Шмидта, о. Іакинава и г. Комарова, перепеч. вмѣстѣ

въ заключеніе, должно сказать о снимкахъ съ нашей надписи и въ особенности о приложенномъ къ этой статьѣ.

Г. Спасскій, первый, издалъ рисунокъ памятника и уменьшенный въ осьмую долю списокъ надписи ¹⁾. Надпись, сдѣланная незнавшимъ монгольскаго языка, весьма невѣрна.

Г. Шмидтъ приложилъ новый, также уменьшенный, снимокъ надписи къ своей статьѣ ²⁾. Но и этотъ списокъ также неудовлетворителенъ, потому-что списыватель переписывалъ, а не снималъ надписи; не сохранилъ характера письменъ, и произвольно возстановилъ буквы, не ясныя въ подлинникѣ.

Г. Банзаровъ желалъ, чтобы къ статьѣ его приложенъ былъ снимокъ съ надписи, во всю ея величину, который и былъ присланъ имъ вмѣстѣ со статью. Желаніе законное, понятное всякому, знающему важность палеографическихъ признаковъ и невозможность сохранить характеръ надписи въ уменьшенномъ рисункѣ, дѣлаемомъ литографами, незнающими конструиемыхъ ими письменъ! Но литографическій листъ въ два аршина длины и аршинъ ширины трудно и неудобно приложить къ статьѣ, печатаемой въ 8-ю долю листа; а между тѣмъ необходимо было падать вѣрный и точный снимокъ для оправданія предлагаемаго чтенія. Какъ быть! Не довѣряя рукѣ европейскаго художника въ дѣлѣ правильнаго уменьшенія монгольскихъ буквъ XIII вѣка, я прибѣгъ къ солнцу. Листъ чувствительной бумаги положенъ былъ въ камеру-обскуру, поставленную противъ подлиннаго снимка надписи, и солнечные лучи, по способу Дагерра и Тальбота, перенесли надпись въ уменьшенномъ видѣ на дно камеры. Затѣмъ, укрупненный на чувствительной бумагѣ рисунокъ былъ отлитографированъ обыкновеннымъ порядкомъ. Тутъ уже не можетъ быть ни умышленныхъ, ни произвольныхъ ошибокъ. Возьмите увеличительное стекло, увеличивающее въ восемь разъ, и вы будете имѣть передъ глазами вашу надпись въ настоящемъ ея видѣ, въ подлинную величину ³⁾.

въ Отеч. Зап. 1839 г. (т. VI. Смѣсь, стр. 27—33) подъ заглавіемъ: «Процессъ о монгольской надписи на памятникѣ Чингись-хана».

1) Сибирск. Вѣстн., I. с., рисун. XXII.

2) *Mémoires etc., I. c.*

3) Снимокъ Савельева былъ помѣщенъ при статьѣ Банзарова въ Записк. Археол. Общ., т. III. Мы отказались отъ мысли приложить его къ нашему изданію прежде всего за немѣннимъ средствомъ на это. При томъ простое перепечатаніе снимка Савельева при улучшенныхъ способахъ эстампирования, придуманныхъ вынѣ, было бы анахронизмомъ, а изготовленіе новаго снимка при помощи современныхъ средствъ будетъ болѣе умѣстно, когда надпись подвергнется новому ученому изслѣдованію.

Ред.